

Легитимация правовых институтов — актуальная задача правовой политики



Беляев М. А.,

кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания
Воронежского государственного университета
e-mail: belyaev@phipsy.vsu.ru

(Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00491)

Аннотация. Автор в данной статье рассматривает феномен юридической легитимации. В ходе рассуждений обосновано следующее: (1) легитимность норм в современном демократическом обществе выступает критерием качества правового регулирования; (2) легитимная норма, будучи социальным фактом, играет позитивную роль в процессах социальной и системной интеграции. Установлено также, что оптимальным демократическим механизмом легитимации права является взаимное признание субъектами правовой системы друг друга. Признание имеет многослойное измерение, но его юридическая составляющая представляет собой всего лишь промежуточную фазу, завершаясь, согласно концепции А. Хоннета, установлением интегрирующей связи между индивидом и социумом. Заключительный вывод состоит в том, что идеологическое обеспечение легитимации права является актуальной политической задачей современного государства.

Ключевые слова: правовая система, норма, легитимность, взаимное признание, легитимация, социальный порядок, идеология.

В настоящей работе я намереваюсь обосновать тезис о том, что придание действительности правовым институтам нуждается в определенной стратегии, методологическом обеспечении и моральном основании. Говоря иначе, в нашей стране намечается тенденция вхождения легитимации права в круг проблем правовой политики. Главная цель работы — показать, почему такого рода расширение объективно и необходимо для непрерывного развития общества в целом.

Правовой политикой принято называть «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности»¹. Из приведенного определения вытекают такие свойства правовой политики, как целенаправленность, последовательность, иерархичность (предметных полей, целей, средств²). Суммируя их, можно сказать,

что правовая политика есть коллективная деятельность по реализации позитивных юридических ценностей. Соединение рационального (всякая деятельность основана на разумности субъекта или множества субъектов) и аксиологического компонентов здесь отнюдь не случайно, ниже будет показан его прагматический смысл.

Право является ценностью только в том случае, когда население понимает и признает именно правовой способ разрешения социальных конфликтов в качестве желательного. В этой идеальной ситуации (когда спрос на право велик, а на альтернативные регуляторы — сопоставимо мал) можно говорить о том, что право в данном обществе обладает легитимностью. Легитимность, как заявляют некоторые ученые, для права является субстанциальным атрибутом³. Немыслимо существование нелегитимного права, а если таковое и существует, то лишь формально (причем формальность здесь следует понимать как синоним поверхностного, пустого бытия). Однако не следует приравнивать формальное и нейтральное, полагая, что лишенное всеобщего признания право существует незаметно, не оказывая на реальную жизнь отрицательного воздействия. В действительности все наоборот: наличие нелегитимного права либо ведет к исчезновению авторитета власти, либо порождает «теневое право» (квазинормативную систему, выступающую основанием реального порядка,

ших судебных органов по вопросам применения норм, относящихся к судебной политике).

³ Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. М.: Юрлитинформ, 2014.

¹ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2010. С. 35.

² В качестве иллюстрации свойства иерархичности правовой политики можно обратиться к работе А. В. Малько и Д. В. Храмова «Судебно-правовая политика: общетеоретический аспект» (Российская юстиция. 2012. № 1), где средства правовой политики располагаются по степени общности (от концепций и доктрин к разъяснениям выс-

или, что то же самое, институты, подменяющие собой и власть, и гражданское общество). Таким образом, право, утратившее понимание и признание, но сохраняющее формально свое действие, объективно вредит общему благополучию. С этой точки зрения становится ясно, что изучение уровня и динамики спроса на право не может не находиться в числе постоянных политико-правовых задач государства как главного непосредственного законодателя⁴.

Мониторинг качества правового регулирования не может опираться на единственный критерий, т. е. быть сосредоточен вокруг идеи эффективности, как бы мы ее ни понимали. Эффективность права, т. е. соответствие нормативных регуляторов определенным целям, лишь косвенно и неполно отражает субъективное отношение граждан к праву. Тому есть как минимум три причины. Во-первых, население плохо себе представляет цели государства, особенно в тех случаях, когда государство само недостаточно четко и последовательно их декларирует. Во-вторых, население не имеет объективной картины правовой жизни и может судить о том, хороши ли законы или суды, по своему собственному — одностороннему и ограниченному — опыту (в который, естественно, не входит активная преобразовательная работа с массивом законодательства, например, или систематизация юридической практики). В-третьих, никакие интересы населения не могут быть соизмеримы с повышением эффективности права. Так обстоит дело во все не потому, что эти интересы стоят в ценностном отношении выше государственных (такое не исключено, но и не обязательно), и не потому, что государство и народ пребывают в перманентной оппозиции друг к другу (на практике такая ситуация тоже возможна). Речь идет о несоизмеримости в буквально-математическом смысле, и причина предельно проста: право есть нечто формальное и единообразное, в то время как гражданское общество содержательно и разнообразно и в каком-то отношении не терпит идеи унификации (а эффективное право предполагает эффективную унификацию, снижение степени

разнообразия, что в свою очередь делает общество более управляемым).

Субъективное отношение к праву выражается в понятии «признание». Если формальное равенство выступает необходимым условием реализации права, то признание — сложное многоуровневое отношение, которое может быть только взаимным, — есть условие достаточное.

Признание того или иного порядка постоянно проблематизируется в тех системах, где существуют избыточно произведенные значения⁵. Общество — яркий пример такой системы. Если бы в обществе управление обеспечивалось только наличием прямых и обратных связей между управляющими и управляемыми, в нем отсутствовали бы актуальные конфликты и рассогласования. В идеальной ситуации, если регулирующая информация доведена до конечного потребителя, последний не может не отреагировать надлежащим образом. Но этот идеал присущ только технике, а не человеческим коллективам.

Что же особенного мы видим в обществе с точки зрения логики управления? Во-первых, управляемые подсистемы являются живыми — способными к поддержанию собственного существования, сознательными, как следствие — рефлектирующими. Рефлексия здесь понимается традиционно — как способность сделать себя (содержание своего сознания) предметом анализа. Ближайшим следствием этой способности выступает дистанцирование от управленческой ситуации: сигналы по-прежнему приходят, но выполнение команд запаздывает или вовсе не наступает. Для управляющей системы это означает сбой привычной последовательности, отклонение, некий сигнал о неблагополучии. Во-вторых, общество пронизано множеством нетехнических связей. По мысли Ю. Хабермаса, человек как родовое существо «учится не только в сфере технически применимого знания, являющегося решающим для развития производительных сил, но и в сфере морально-практического сознания, решающего для структур интеракции. Правила коммуникативного действия развиваются,

⁴ Это ни в коей мере не означает, что мониторинг востребованности правовых инструментов может быть монопольно присвоен властью. Жизнь учит нас, что подобного рода ситуации приводят к торжеству пассивного отношения к делу (ведь за мониторинг как элемент компетенции кто-то должен отвечать, а лучший способ избежать ответственности — изобразить дело так, будто бы с течением времени ничего не меняется), герметизации знания и в конце концов искажают его, делая неразличимыми и те крупницы истины, что удастся собрать посредством эмпирических исследований. К счастью, в России есть позитивные примеры негосударственных исследовательских институций (Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге — самый известный в их ряду), всерьез ориентированных на эмпирическое правоправедение.

⁵ В социальной эпистемологии принято различать проблематизацию и легитимацию (обоснование). Если в процедурах обоснования те или иные формы социокультурного опыта утверждаются в качестве приемлемых, адекватных и санкционированных в рамках определенной культурной традиции, что практически освобождает субъекта, культивирующего эти формы опыта, от сомнений в адекватности избранной поведенческой стратегии, то проблематизация, напротив, подвергает их экспликации и сомнению, вводя их в сферу рационального анализа. По определению М. Фуко, проблематизация — это совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т. п.).

разумеется, в реакции на изменения в области инструментального и стратегического действия, но следуют при этом своей собственной логике»⁶. Собственная логика нетехнических действий (основанная, как представляется, скорее на кооперации, чем на конкуренции) не позволяет нормативным системам беспредельно разрастаться. Управляющие значения перестают быть очевидными, не воспроизводятся автоматически, требуют более или менее осмысленного доказательства права на существование. Выражаясь афористично, чтобы быть достаточным, нормативно-правовому регулированию необходимо стать избыточным. И действительно, поверх массива обычных норм, дифференцированных по отраслевому признаку, возникают нормы второго уровня (его можно было бы назвать «метаправом»), регулирующие порядок введения, изменения, отмены, интерпретации правовых актов и уже в силу этого не привязанные к конкретному их содержанию. Споры нет, в любой правовой системе есть подобного рода регуляторы, но вполне очевидно, что, будучи отчужденными от населения в той же мере, что и основной массив права, они остаются декларативными. Преодолеть подобного рода отчуждение можно лишь через определенные демократические процедуры.

Технически неконтролируемое перепроизводство значений или управляющих сигналов предполагает достижение консенсуса по поводу того, какие из них будут считаться приемлемыми. Сторонники критической теории общества полагают, что приемлемость правила поведения обусловлена приемлемостью процедуры обсуждения данного правила. Если речь идет о правовой норме (свойством которой выступает всеобщность), то в процесс обсуждения должно быть вовлечено как можно больше субъектов из числа заинтересованных в осуществлении данной нормы. Вовлечение в свою очередь невозможно без взаимного признания государства и гражданского общества. Следовательно, мы вправе заявить, что взаимное признание является необходимым условием юридической легитимности. Обратная ситуация, при которой между властью и обществом нет нормальной коммуникации, но присутствует полноценно реализующаяся система законодательства, безусловно, возможна — но только не в условиях демократии. Исполнимость норм может не зависеть от взаимного признания только там, где уничтожено глобальное разнообразие мнений, точек зрения, идеалов и картин мира. Тогда право эффективно только в силу совпадения с голой силой. Но этот случай здесь не рассматривается.

Согласно идее А. Хоннета, признание представляет собой многослойное измерение, ко-

торое присуще любым межсубъектным взаимоотношениям и одновременно оформляет их нормативно. Взаимное признание имеет первостепенное значение для двух процессов. Во-первых, для конструирования полноценной идентичности субъекта. Взаимное признание субъекта является одной из предпосылок преобразования здорового позитивного отношения к самому себе в самосознание и самоуважение, что, в конечном счете, и обуславливает формирование полноценной идентичности. Во-вторых, взаимное признание играет немаловажную роль в процессе создания и поддержания интеграционного потенциала общества, так как, по мнению немецкого ученого, самосознание общества во многом определяется степенью институционализации взаимного признания. Таким образом, основная идея Хоннета заключается в следующем: общество конструируется как общность именно благодаря взаимному признанию его членов⁷.

Внимания заслуживает типология признания, представленная А. Хоннетом в работе «Борьба за признание». Опираясь на три формы социального взаимодействия — эмоциональные отношения, правовые и ценностные, Хоннет выделяет три сферы, или измерения, взаимного признания: эмоциональное признание, правовое и социальное.

В основе первого измерения лежит принцип взаимной любви, симпатии и заботы. Признание на этом уровне выражается в непрерывности взаимного эмоционального внимания и базируется, по словам Хоннета, на балансе между привязанностью и самостоятельностью, между симбиозом субъектов и самоутверждением личности. Первостепенное значение в таких отношениях приобретает признание автономии другого, что возможно лишь при сохранении вышеназванного баланса. Именно в этой сфере при удачном построении отношений субъект формирует доверие к самому себе. Хоннет специально акцентирует внимание на этом понятии, так как считает доверие к самому себе необходимым условием для того, чтобы на следующем уровне субъект мог сконструировать свою автономную идентичность. Нарушение баланса выражается в лишении субъекта какой-либо автономии, например возможности свободно распоряжаться своим телом. Это является причиной унижения, разрушающего элементарное доверие субъекта к самому себе, что происходит, к примеру, при физическом насилии.

Вторая сфера признания принципиально отличается от первой тем, что принцип правового равенства не ограничен эксплицитно первич-

⁶ Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. S. 163.

⁷ Honneth A. Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

ными отношениями, такими как дружба или любовь, характерными для эмоционального признания. Взаимное признание на этом уровне выражается в следующих отношениях: субъект признает нормы общества путем интернализации генерализованного Другого, который постоянно напоминает субъекту о его обязанностях по отношению к другим. В тоже время со стороны других членов общества данный субъект может признаваться носителем индивидуальных неотъемлемых прав. Подчиняясь одному закону, субъекты, по словам Хоннета, признают друг друга лицами, способными в своей автономии рационально относиться к моральным нормам. Таким образом, при взаимном правовом признании субъект осознает себя не только носителем неотъемлемых прав, но и моральным субъектом.

Третья сфера признания, а именно сфера взаимного социального признания, базируется на принципе учета достижений и заслуг перед обществом. Социальная значимость субъекта зависит от того, какой вклад этот субъект может внести в реализацию общественных целей. При этом субъекты одного общества, подчеркивает Хоннет, могут уважать и признавать друг друга только тогда, когда они разделяют ценности и цели данного общества. Эти ценности наглядно показывают им значение конкретных личностных качеств индивидов для жизни других представителей этого общества. Речь идет о субординации этих качеств и способностей внутри ценностной сферы этого общества. Таким образом, в сфере социального признания первостепенное значение приобретают индивидуальные качества, которые делают каждого субъекта неповторимым и благодаря которым достижения субъекта имеют большую практическую ценность для данного общества. Субъект, испытывающий социальное признание со стороны других членов общества, позитивно относится к своим конкретным качествам и способностям, что ведет к формированию его самопризнания. Именно самопризнание позволяет субъекту интуитивно полагаться на то, что его способности и личностные качества будут признаны остальными членами общества как ценные.

Итак, в идеале последовательное приобретение взаимного признания во всех трех сферах является предпосылкой для успешного конструирования идентичности «Я». В то же время формы непризнания, соответствующие трем вышеназванным сферам, могут выступать в качестве барьеров на пути формирования позитивной идентичности.

Концепция А. Хоннета, как мы видим, с одной стороны, развивает мысль Ю. Хабермаса о «собственной логике нетехнических действий» внутри любой социальной системы, с другой — демонстрирует роль психологического фактора

в социализации человека, показывая, что всякий индивид обретает устойчивое «Я» только в разнообразных взаимодействиях с другими.

Подобно отсутствию полноценной, эмоционально наполненной межличностной коммуникации отсутствие содержательного взаимодействия государства и общества действует на правовую идентичность разрушительно. Дефицит легитимности правовых институтов возникает в ситуации господства системной интеграции над интеграцией социальной. В этом случае возникает неосознанная потребность выравнивания данной диспропорции, побочно выраженная в так называемых парадоксах правового регулирования, о которых следует сказать несколько слов.

Парадоксальной ситуацией в правовом регулировании признается падение эффективности реализации права несмотря на интенсификацию законотворческой (в широком смысле этого слова) деятельности⁸. Известный американский ученый Касс Санстейн в качестве типичного парадокса указывает ситуацию, когда регулирующее воздействие, направленное на уменьшение определенных рисков, способствует в действительности их увеличению. Другой тип парадокса — когда ужесточение юридической ответственности обладает дестабилизирующим эффектом и провоцирует движение вспять (обвинители не обращаются в суды с требованиями максимального наказания, предусмотренного законом, т. е. правоохранительная система действует вразрез с интенцией законодателя)⁹.

Каждый конкретный случай, в котором обнаруживаются парадоксы, удовлетворительно объясняется эмпирически, но дальнейшее обобщение, как представляется, к полноценным результатам не приводит. При этом парадокс регулирования не носит эпистемологического характера, так как внутри соответствующих жизненных ситуаций не возникает познавательных трудностей (таких как невозможность верификации гипотез или двусмысленность словоупотребления). Система правоотношений достаточно прозрачна с точки зрения научного изучения, поскольку изначально запланирована как рациональная. Противоречие, неувязка состоит лишь в том, что усилия, приложенные к отдельным элементам правовой системы в целях эффективного регулирования общественных отношений, приводят в итоге к противоположному результату.

Поскольку с точки зрения неинституционализма качество правового регулирования

⁸ См., напр.: Gunsteren H. R. van. *The Quest for Control: A Critique of the Rational-Central-Rule Approach in Public Affairs*. London: John Wiley, 1976.

⁹ Sunstein C. R. *Paradoxes of the Regulatory State* // *The University of Chicago Law Review*. 1990. Vol. 57. № 2. Pp. 407–421.

напрямую зависит от того, снижаются ли трансакционные издержки, несомы субъектами права в процессе разрешения споров (юрисдикционные отношения, конечно, по степени важности сопоставимы с осуществлением принадлежащих субъектам правомочий, где издержки также могут расти), можно было бы сказать, что неутешительным итогом возрастающей оптимизации правового регулирования является именно рост подобного рода издержек. Прогнозируемое завершение этого процесса весьма очевидно: возрастающие расходы делают обращение к официальным инстанциям непривлекательным. Следовательно, вырастает спрос на неофициальные институты разрешения конфликтов. Об опасности такого положения дел было достаточно сказано выше.

Итак, качество правовых институтов напрямую зависит от уровня спроса на право. Если последний отсутствует, нет смысла доказывать, что законодателем были спроектированы чудесные, логичные и сверхсовременные правовые средства, а правоприменители — в силу злого умысла, конечно же, — не желают все это проводить в жизнь. Нужно как-то иначе смотреть на ситуацию в целом, дабы ее понять и изменить.

Следующий мой тезис звучит так: качество права следует не только изучать, но и регулировать. При этом опорой регуляции должны выступать некоторые простые, но эмоционально окрашенные идеологемы, позволяющие интерпретировать себя всякий раз при сопоставлении сущего и должного и выносить суждение о недостаточной представленности в реальных отношениях. С этой точки зрения даже принцип формального равенства является идеологемой, поскольку базируется на гегельянской трактовке свободы как разумно понятой необходимости целого (или даже господства целого) по отношению к любой части.

Выравнивание социальной и системной интеграции является либо созданием, либо восстановлением взаимного признания государства и личности. Следовательно, оно имеет ярко выраженный идеологический контекст. Это доказывается доводом от противного: вообразим, что, принимая стратегическое политико-правовое решение, мы оперируем лишь численными данными относительно состояния правопорядка. Однако набор эмпирических показателей — независимо от полноты — не содержит целей дальнейшего развития (поскольку целеполагание есть уже разрыв с фактичностью), значит, интерпретация результатов подобного рода мониторинга может быть любой, поскольку зависит от чего-то внеположенного по отношению к факту. Следовательно, принятие решения требует наряду с эмпирической основой чего-то ино-

го, того, что отсутствует как материальный объект или событие, но присутствует в виде проекта. А это и есть идеологема.

Остановившись на последнем тезисе, я вслед за Д. Беллом буду понимать под идеологией систему убеждений, сплавляющую идеи с эмоциями и превращающую их в рычаги социального действия. Предрасположенность к идеологизации действительности составляет необходимый компонент мышления, точно так же как идеологические отношения имманентно присущи обществу. Не будет ошибкой предположить, что двум способностям сознания соответствуют две функции идеологии:

— идеология есть средство формирования социально-априорного в мировоззрении. Это вытекает из самого характера идеологического знания, предписывающего реальности то, какой ей следует быть, но не описывающего какую-либо наличную действительность. Сознание открыто к представлению о желательном как возможном. Открытость означает способность включаться в символическое пространство, порождаемое идеологией, воспринимать ценности, штампы, установки, оценки, проекты, цели, предполагаемые данной концепцией, транслировать их (не обязательно в макромасштабе). Открытость — это также и способность защищать идеологию;

— идеология есть способ производства субъектов власти и подчинения. Это вытекает из проективности любого идеологизированного сознания (от обычного целеполагания, совершаемого внутри деятельности, идеологическое мышление отличается только явной утопичностью проектов).

Открытость и проективность сознания как социальной способности личности усваивать базовые культурные коды, символы обуславливают и приемлемость идеологического восприятия общества, и его чрезвычайную распространенность. В результате мы имеем постоянно циркулирующие в общественном сознании идеологемы — особые ментальные конструкты, предназначенные исключительно для априорного, внеисторического и некритического взгляда на мир. Само движение мысли в этих «продуктах» прекратилось, они легко воспринимаются и передаются, но их очень трудно расшифровать. Всякая идеологема не имеет истории, она всегда присутствует как бы в настоящем времени, в этом ее особенность и сила, поэтому критика всякой идеологической установки либо выходит в сферу философской рефлексии (лишаясь возможности стать общедоступной), либо возможна с позиции аналогичной, но другой по содержанию установки.

Эпистемологические особенности идеологем сами по себе мало что значат без «коммунального

эффекта» (выражение А. А. Зиновьева), т. е. природной склонности людей к общению с себе подобными. Общение представляет собой разновидность деятельности, следовательно, почти всякая идеология может вызвать к себе значительный интерес, ведь она постулирует значимость коллективных действий на основании единообразно понимаемых ценностей и антиценностей.

Важнейшие юридические принципы весьма близки к идеологемам. Сходство очевидно: любой принцип, например формальное равенство субъектов, выполняет консолидирующую функцию, являясь продуктом доминирующих традиций, умонастроений и философских идей. Суждения, выражающие правовые принципы, стоят в стороне от дихотомии истинного и ложного, принадлежат к сфере желательного и возможного, их история не отражается на их существовании. Критика принципа формального равенства возможна только с позиции другой идеологии (тут могут быть разные варианты — марксизм, анархизм, феминистское понимание права и т. д.)

Неоспоримым фактом является постоянное расширение правовой системы (при этом можно долго размышлять и спорить о соотношении интенсивного и экстенсивного способов ее расширения, но это вряд ли продуктивно). Следовательно, каким бы ни был уровень признания того или иного правового института на определенный момент времени, мы не можем быть уверены, что рост законодательства и «уплотнение» ведомственного нормотворчества, равно как и возрастание объемов судебной практики, не повлияют на уровень взаимного признания власти и общества, зафиксированный некоторым научным способом. Поэтому любого обоснованного знания о качестве правового регулирования еще не достаточно для обеспечения осуществления таких идеалов, как демократия, свобода личности, верховенство права. Да и в самой идее реформирования права посредством манипуляций с законодательным материалом скрыт некий порок. Конечно, никто не пытается поставить под сомнение потребность в качественной законодательной технике. Работа с юридическими текстами, преследующая цель их усовершенствовать в структурном и семантическом отношении, составляет *conditio sine qua non* демократического государства. Но ценность права в глазах граждан в очень малой степени зависит от блестящей (или, напротив, неудачной) формы его изложения. Куда как важнее, например, чтобы расходы на защиту нарушенных субъективных прав были соизмеримо меньше оценочной стоимости защищаемого блага или чтобы правила судопроизводства действительно соблюдались

всеми участниками процесса, да и судом тоже. Уважение к законности и правопорядку зависит от того, является ли правовой идеал реальным, а этого нельзя достигнуть одной лишь юридической техникой.

Представляется, что пришло время сделать несколько важных выводов.

(1) По мере своего развития правовая система становится все более рациональной. Существенным признаком рациональности системы является ее способность осознать себя, т. е. рефлексировать.

(2) Возникающие внутри правовой системы парадоксы регулирования могут пониматься как знаки, указывающие на наличие в праве наряду с нормативным субъективно-ценностного компонента.

(3) Субъективность правовой системы — это рефлексивное выражение того, что люди, притязаящие на взаимное признание, либо относят право к сфере, где данное притязание может быть удовлетворено, либо дистанцируются от права. И это — главный показатель качества правовой системы в целом.

(4) Поскольку эффективность объективного права производна от его признания среди населения, глобальной задачей правовой политики становится легитимация действующего правопорядка.

(5) На практике эта задача не может быть решена без использования идеологического обеспечения. Соединение рационального и ценностного компонентов права, обеспечиваемое идеологией, всегда необходимо там, где нет возможности значительно снижать объемы нормативного регулирования.

(6) Задача легитимации того или иного правового института выходит далеко за пределы собственно законотворческих действий, поскольку включает в себя работу не только с негативными или позитивными фактами, но и со смыслами.

(7) Работа с юридическими ценностями и смыслами должна стать предметом правовой политики, во всяком случае до той поры, пока институты гражданского общества не смогут взять ее на себя.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / Под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2010.
2. Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. М.: Юрлитинформ, 2014.
3. Малько А. В., Храмов Д. В. Судебно-правовая политика: общетеоретический аспект // Российская юстиция. 2012. № 1.
4. Честнов И. Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 77–84.

5. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.
6. Gunsteren H. R. van. The Quest for Control: A Critique of the Rational-Central-Rule Approach in Public Affairs. London: John Wiley, 1976.
7. Honneth A. Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.
8. Sunstein C. R. Paradoxes of the Regulatory State // The University of Chicago Law Review. 1990. Vol. 57. № 2.

Legitimation of legal institutes as an actual political purpose

Belyaev M. A.,

Ph.D., Associate Professor (Voronezh State University,
Department of Ontology and Theory of Knowledge)
e-mail: belyaev@phipsy.vsu.ru

Abstract. *In this article the author is considering the phenomenon of the juridical legitimation. During the reasoning the following is justified: (1) the legitimacy of the norms in modern democratic society is the criterion of the quality of the legal regulation; (2) legitimate norms, since they are a social fact, play a positive role in the processes of social and systematic integration. It is also set up that an optimal democratic mechanism of the legitimization of law is the subjects' mutual acceptance of each other's legal system. The acceptance has a multilayer dimension, but its legal part is just an intermediate phase, which terminates, according to A. Honneth's concept, with the establishment of the integrative connection between an individual and the society. The conclusion is that the ideological support of legitimizing of law is an actual political task of the contemporary state.*

Keywords: *legal system, norm, legitimacy, mutual recognition, legitimation, social order, ideology.*

References

1. Bol'shoj juridicheskiy slovar' / Red. A. V. Mal'ko. M.: Prospekt, 2010.
 2. Denisenko V. V. Legitimnost' kak harakteristika sushhnosti prava. M.: Jurlitinform, 2014.
 3. Mal'ko A. V., Hramov D. V. Sudebno-pravovaya politika: obshheteoreticheskiy aspekt // Rossijskaja justiciya. 2012. № 1.
 4. Chestnov I. L. Sociocultural anthropology of law as post-classical research program // Russian Journal of Legal Studies. 2014. № 4 (1). Pp. 77–84.
 5. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.
 6. Gunsteren H. R. van. The Quest for Control: A Critique of the Rational-Central-Rule Approach in Public Affairs. London: John Wiley, 1976.
 7. Honneth A. Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.
 8. Sunstein C. R. Paradoxes of the Regulatory State // The University of Chicago Law Review. 1990. Vol. 57. № 2.
-
-
-